

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ
АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

ТРЕНЕР

Издательство АСТ
Москва

Пролог:
капитан, капитан,
улыбнитесь...¹

Почему футбол в России — ногомяч?
Почему он не стал вторым Мацуевым?
Почему вообще все?!

Если сидишь в «обезьяннике» где-то на северо-западе Москвы, лучше вопросов не найти. Обстановка располагает.

Казенно-зеленые стены. То ли лавка, то ли нары, решетка напротив. Край доски, гладко отполированной такими же, как он, больно врезается в ноги. Сидеть неудобно, но вопросов о комфорте здесь никто и не задает... Да к черту. Не в том дело.

Доигрался. Вчистую доигрался, везде. Глупо как все получилось... Встал на трассе, как маленький обиженный мальчик, закрылся от всех. Гаишники в стек-

¹В названии глав использованы строки из песен «Жил отважный капитан», слова — В. Лебедев-Кумач, «Трус не играет в хоккей», слова — С. Гребенников и Н. Добронравов, «Надежда», слова — Н. Добронравов, а так же цитата из романа «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона (перевод Н. Чуковского).

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ, АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

ла колотят, а он сидит и не слышит. В ушах до сих пор слова Петровича:

— Прощального матча не будет. Для кого играть собрался, Юра? Для уборщиков, что ли? Никто не придет. Понимаешь?

Он тогда кивнул... Да-да, все понял, конечно. Президент «Спартака» все очень доходчиво объяснил.

— Дисквалификация всего на год, не страшно. Отдохнешь, вернешься... Ну?

Ну, ну... Кивнул, ушел, сел в машину и уехал.

Смотрел и смотрел на родной стадион «Открытие», пока тот в зеркалах не пропал. И внутри что-то копилось, сжималось...и рвануло там, на трассе. Потому и встал. Ни вперед, ни назад. Ему сигналили из скопившихся сзади машин, материли... наверное.

А он продолжал сидеть, его словно выключило. Вот красную и выписали, без предупредительного «горчичника».

Когда в отделение привезли, сразу понял: узнали. За спиной слышалось: «Столешников, Столешников, я бы на его месте...» Чего ты бы на моем месте?! Ты бы, прежде чем говорить, на него попал. Ладно хоть оставили в покое, одного. Со своими мыслями.

Почему вообще? Да все просто.

Мамы не стало.

Его мамы не стало. А ему восемь. Вокруг лето, первые каникулы школьные, а ее нет. И никому нет дела до его беды, когда, в то же самое лето, не ста-

ТРЕНЕР

ло целой страны. В школу пошел еще в Союзе, даже октябренокм стал, книжки какие-то в актовом зале вручали вместе со звездочкой. Ему Пушкина дали, тоненькую книжицу, мама улыбалась. Открыла...

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...*

Столешников не плакал, когда его мамы не стало: слишком неожиданно это случилось. Соседи, родственники зеркала занавешивали, какие-то бабульки вокруг него суетились... «Ты бы поплакал, сынок, не держал внутри». Он удрал от них во двор. Сел на бордюр, вздохнул. Все пытался осознать: как же ему теперь, когда мамы нет?

Именно тогда он увидел отца в первый раз...

— Меня Валерий зовут. А ты, значит... Юра?

Да, Юра. Юра Столешников. Солнце било прямо в глаза, он щурился и лица отца почти не видел. Тот чуть сдвинулся, заслонив болезненно яркий свет, и Юрке вдруг стало легче. Этот еще чужой, скупой на жесты человек спокойно расспрашивал про школу, мол, с тройками, без?

И чем он, Юрка, интересуется. Спорт?

— Фортепьяно.

Мама мечтала, что он будет играть, ей нравилось, какой тут спорт? В спорте травмы, а ему пальцы беречь надо. А отец вдруг, раз, и футбол. А за кого

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ, АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

Юра болел? Да ни за кого, он футбол в прошлом году даже не смотрел, так, чуть-чуть. И тут вопрос: за кого болеешь?..

— За «Спартак». Мы с тобой — за «Спартак», понял?

«Спартак»? Значит, «Спартак».

И впервые за этот долгий и страшный день Юрка почувствовал, что он не один.

Потому и стал играть в футбол, вместо фортепьяно, вот вам и почему.

А вторым Мацуевым он бы и не стал. Не тот характер. Вместо этого Столешников стал капитаном... был капитаном. Сборной.

И вот из-за него-то, бывшего капитана, в стране у нас не футбол, а ногомяч.

...Краснодар ревел, свистел, молился, матерился, кричал тремя десятками тысяч голосов. Стадион? Нет, не стадион. Что-то живое и даже страшное. Тысячи глаз, направленных на яркий газон, на летающий мяч, на каждого из игроков сборной, на капитанскую повязку, такую невесомую и такую тяжелую.

Восемьдесят шестая минута. Полтора часа на ногах, на адреналине, не чуя боли в мышцах, наплевав на все. Майка давно мокрая, никакие новые технологии волокна ее не спасают. Пот везде, даже бутсы промокли, пыль на них постоянно размывается. Пот не капает, бежит, хоть руки мой.

Румыны забили один мяч. Счет на табло режет глаза. Трибуны ревут, кажется, вот-вот дотянутся

ТРЕНЕР

сюда руками, злые, слившиеся в одно распаренное красное лицо. Наплевать! Они — сборная, они играют!

Капитан, капитан, улыбнитесь...

А ведь почти получилось тогда. Почти...

Мяч сам подарком лег под ноги. С центра, рывком, вперед. Желто-красное пятно впереди движется медленно, ему это пятно обыграть как два пальца...

Простым финтом обманул как пацана, и дальше. Желто-красное набегает слева, а мы тебя вот так! Крутанулся? Ноги не запутались?! Это дриблинг, сынок!

Капитан, капитан...

Трибуны орут. Сердце не слышно, сердце в норме, пот сам улетает от скорости, оставляя за спиной блестящий шлейф.

Ворота прямо перед ним, четкие, как в стоп-кадре. Немного осталось. Вперед, Юра! Трибуны замирают. Желто-красный, как цыпленок, румын сбивает грубо, так обычно дрова колют.

Ведь улыбка — это флаг корабля...

Больно? Терпи, Юра, встань, отряхнись. Судья? Судья?!

Фу... выдыхай, стадион. Пенальти, пенальти!!!

И...

— Что это было?! Что это, черт возьми, было, Юра?!

Мяч все летел, летел, легкий такой мяч, даже почти не подкрученный. Да и что там за вратарь? Не Канн, не Джиджи, не Шмейхель, запомнившийся

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ, АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

Столешникову своей игрой на Евро в девяносто втором — это было его, Столешникова, первое футбольное лето. Какой-то, мать его, просто румын!!!

— Удар в стиле Паненки сейчас, в такой сложной ситуации для нашей команды... Зачем?!

Белые перчатки голкипера взяли мяч нежно и трепетно, как берут за талию первую любовь. Коснулись, задержались, дрогнули, понимая, что мяч его, вратаря Румынии. И...

— Для чего, Юра? — спрашивает со стадионом вся страна!

Пальцы уверенно сжали бока мяча. Бутсы румына мягко спружинили по траве. На миг, такой короткий и такой бесконечный, их глаза встретились. Карие, горящие радостью, и карие, еще не понявшие свалившейся беды.

Капитан, капитан, подтянитесь...

Зря он тогда ударил румынского защитника. Зря двинул выскочившему скарферу. Ну да, он завелся от направленной на него камеры и многократного «почему, почему, Юра?!». Зря...

Зря. Потому что теперь, и из-за него тоже, футбол у нас ногомяч.

— Вон он, там сидит.

Шаги. Наверное, он их ждал.

— Здравствуй, пап.

Глава первая: трус не играет...

На бывшей одной шестой суши трус не играл в хоккей. И за океаном, среди кленовых листьев, не играл тоже. Сейчас одна шестая стала чуть меньше, а спорта для мужиков, неожиданно, появилось чуть больше. Для всех, кто захочет.

Свисток. Дождь. Грязь. Свисток, приготовились. Чавкает под ногами? Наплевать! Это игра для мужиков.

Регби придумали в Британии, на острове настоящих джентльменов. Только джентльменское здесь стоит искать телескопом «Хаббл», не иначе. Но никто не жаловался: все знали, на что шли. Это правильно. В регби все равны: и черно-белый офисный клерк, и шеф модной кондитерской, и бывший капитан сборной по футболу. Вышел на поле? Работай и не ной.

Столешников шмыгнул, вытер нос, размазав грязь уработанной перчаткой. Новые уже покупать надо... на Амазоне заказывать, так хотя бы немного дешевле.

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ, АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

ле. Старые привычки обходились дорого, ну да и черт с ними. На себе и инвентаре экономить не нужно. Тебе же хуже будет.

Свисток. Начали.

Четырнадцать здоровых мужиков, вышедших на старый заводской стадион, рванули с места навстречу друг другу, столкнулись, меся грязь и противников. Столешников оттолкнул первого попавшегося, грубо, до боли. Это игра, терпи... И не такое случается.

Грязная фасолина мяча скользила в чужих руках, перепрыгивала между атакующими, то и дело исчезающая из виду. Столешников рвался к ней как мог, расчищая себе позицию и ругаясь, когда ноги скользили в грязном месиве. Регби — это полный контакт, адреналин, пот и немного крови. Полный набор того, что ему сейчас необходимо.

Атакующего принял жестко, врубился плечом, отбросил на защитника. Схватил мяч, рванувшись вперед своим «фирменным», не догонишь... раньше не догонишь. За спиной, хрипло дыша, кто-то все-таки бежал. Значит, пасуй, Юра, не стоит жадничать.

Ха...

Пас вышел почти красивым. Закрутившись, блестя мокрыми боками, мяч попал точно в руки Сергею, забежавшему вперед. Молодец, Юра, молод...

Жирная мокрая земля так и прыгнула в лицо, зубья лязгнули друг о друга, прикусив щеку, кровь тут же медью растеклась по рту. Твою мать, это что?!

ТРЕНЕР

— Че творишь?! — наплевать на грязь и траву, размазанные по лицу и давно не стриженной бороде. — А?!

Витя... Это Витя догнал и срубил его. С Витей спорить опасно. Витя выше на голову, тяжелее килограмм на тридцать, под закатанными рукавами джерси в такт движению мощных ручищ дергаются татухи. Ладно. Здесь красные не выписывают и в подтрибунное не гонят.

— Обалдел?! — басит Витя, отгалкивая. — Ты за собой следи!

— Че ты сказал?! — завестись очень легко, особенно, когда так этого хочется. И дальше по сценарию: толчок в грудь обеими руками. И...

На бетонных остатках трибуны, чернея грачом, сидел Валдис. Ровный и невозмутимый — олицетворение порядка посреди запущенного стадиона.

Прибалтийская педантичность во всем, начиная от галстука в тон сорочке и заканчивая стильным полуплащом. Валдису положено: как-никак ведущий спортивный агент, представляющий интересы нескольких самых востребованных атлетов. Ну и, наверное, для души одного неудачника со многими приставками «бывший».

Столешников кивнул, поднимаясь и зажимая бровь. Драться с Витей и впрямь было глупой затеей: хорошо, что не покалечил. У сорокалетнего здоровяка за спиной МС по вольной и сто десять кило живого веса... Пожалел футболок, не стал вбивать в землю по пояс, проучил — и ладно.

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ, АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВСКАЯ

— Здорово, — Столешников руку не подал — Валдис не любил рукопожатий — просто сел рядом. — Как сам?

Агент кивнул. Протянул уже распечатанный пакет экспресс-почты.

— Что это?

— Юра, ты открой и посмотри. И не возмущайся сразу, просто послушай. Хорошо?

Валдис спрашивал, а сам смотрел внимательно, как латышский стрелок в прицел винтовки. Столешникову иногда становилось не по себе от такого взгляда, хотя, казалось бы, это агент работал на него, а не наоборот. Но вот незадача — до сих пор смущался.

Так, что тут? Хм, стандартные анкетные листы, фотографии, данные, рост-вес, возраст, характеристики. И?... Вопрос читался без слов.

Валдис позволил себе улыбнуться. Так умел только он один: спокойно, многозначительно и даже с обещанием чего-то хорошего клиенту, находящемуся в полной заднице.

— «Метеор» тебя хочет. Главным тренером.

Вот так дела, как крученым в девятку... Столешников недоверчиво нахмурился.

— «Метеор»? Это где вообще?

— На юге.

На юге... Теперь он точно удивился. На юге же все команды известны, сколько их там в премьерке? Три, четыре? Стоп, так...

— Полагаю, — Валдис кивнул в сторону поля, — что это к тебе. Добрый вечер.

ТРЕНЕР

Похоже, по поводу Витиной жалости Столешников ошибся. С такой мордой не про погоду разговаривают, да и рукава при таких раскладах обычно раскатывают назад. А так, бери и любуйся его разноцветными комиксами на предплечьях.

Витя остановился чуть ниже, посопел, явно без сожаления рассматривая Столешникова из-под нахмуренных бровей. Покачал головой, остриженной по привычке почти под ноль, сплюнул, растер слюну разбитой кроссовкой. Бутсы он не уважал.

И махнул рукой.

— Лови.

Валдис хмыкнул, глядя на реакцию своего проблемного клиента. Банка газировки едва не сделала Столешникова симметрично подбитым — он успел схватить ее за секунду до столкновения.

— Приложи, пока холодная.

Столешников повертел лимонад в руке и, совсем по-детски, недоверчиво улыбнулся.

— Спасибо.

Витя блеснул крепкими зубами, вздохнул.

— Не лыбься... И глазами вот так не делай.

Столешников еле сдержался, наблюдая за лицом здоровяка. Не делать — так не делать, не спорить же, в конце концов, из-за такой ерунды.

— Спасибо, Вить.

Витя кивнул, развернулся и потопал назад. Большой, страшный мужик, которого обожают детишки. Витя проводил тренировки три раза в неделю, когда не было ночной смены на подработке. Собственный